

УДК 930.8
ББК 71+63.3

КУЛЬТУРНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ XX ВЕКА: РАЗРЫВ С ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРОЙ ИЛИ ЕЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ?

Петрова Ирина Александровна

Доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой истории и культурологии
Волгоградского государственного медицинского университета
vip@sprint-v.com.ru
пл. Павших борцов, 1, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация

Авходеева Евгения Андреевна

Аспирант кафедры истории и культурологии
Волгоградского государственного медицинского университета,
специалист по связям с общественностью Института Конфуция
при Волгоградском государственном социально-педагогическом университете
avkhodeeva89@gmail.com
пл. Павших борцов, 1, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрены механизмы культурных преобразований в ходе самых известных культурных революции XX века. Авторы утверждают, что несмотря на их враждебное отношение к культурному наследию сами они базировались на механизмах трансляции, выработанных предыдущим опытом традиционной культуры.

Ключевые слова: культурная революция, традиционная культура, механизм трансляции культурного наследия, массовое сознание, коллективные ментальные представления.

Принято считать, что термин «культурная революция» был введен в оборот В.И. Лениным в статье «О кооперации» в 1923 году. Теория социалистической культурной революции предусматривала уничтожение духовной и культурной монополии элиты и создание новой пролетарской культуры. При этом провозглашалось сохранение так называемого *прогрессивного* культурного наследия, накопленного человечеством за многовековую историю. Поскольку большая часть феноменов традиционной культуры не может быть определена как «прогрессивная», то часто революционные культурные преобразования представляли собой открытое уничтожение культурного наследия [11, с. 57].

В целом такая культурная политика соответствовала марксистской теории, в соот-

ветствии с которой культура рассматривалась не только как часть идеологической надстройки, зависящей от экономического базиса, но и оказывающей на него обратное влияние.

К классическим культурным революциям XX в. принято относить преобразования в сфере культуры в Советской России, культурную революцию в фашистской Германии, а также более позднюю Великую культурную революцию в социалистическом Китае. Все перечисленные выше культурные революции имели место в тоталитарных обществах, были организованы сверху, имели форму насильственных, по отношению к традиционной культуре, политических преобразований, и, так или иначе, использовали тягу людей к новым открывающимся возможностям.

Западная общественная наука использует термин «культурная революция» несколько шире и распространяет его на процессы и явления, характерные для последней трети XX века [18; 19]. Так, культурными революциями в Европе часто называют американизацию всех сторон жизни, которая стала заметной с распространением СМИ и телевидения; социальную мобильность, благодаря которой дети из рабочих семей получили возможность повысить свой социальный статус. В самих США под культурными революциями часто понимают размывание барьера между элитарной и поп-арт-культурой; позже так стали обозначать молодежные протестные движения и субкультуры, символизирующие «новое сознание», решительно порвавшие с «отцами», отвергнувшие их образ жизни, их мораль, их искусство и всепоглощающий консьюмеризм.

Однако вернемся к культурным революциям, свершившимся в тоталитарных обществах по классической схеме. Нетрудно заметить, что все они были направлены на разрыв с прошлым, его традиционными (устаревшими) представлениями, активную революционную переделку сознания определенными методами, ярко характеризующими тоталитарно устроенное общество. И даже там, где сам термин «культурная революция» не употреблялся, средства построения новой культуры были достаточно радикальными.

Необходимо отметить, что взгляд на культурное строительство, при котором предлагалось хотя бы частично сохранить предыдущее наследие, сформировался не сразу. Среди значительной части леворадикальной российской интеллигенции были распространены взгляды на пролетарскую культуру как на нечто абсолютно новое, полностью отрицающее все предшествующие этапы культурного развития. Однако, несмотря на внешнюю новизну революционных преобразований, они не могли бы быть проведены в жизнь, если бы сами не опирались на механизмы трансляции, выработанные предыдущим опытом традиционной культуры. Именно эти механизмы, коренящиеся на уровне массового сознания и коллективных ментальных представлений, были задействованы в ходе скачкообразных политико-культурных преобразований.

Такие «трюки» с массовым сознанием использовались и раньше. Вспомним, что во время продвижения в массы теории официальной народности министр просвещения С.С. Уваров использовал именно три символа, прекрасно понимая, что символ Троицы глубоко укоренен в массовом сознании православного населения России, и все, что связано с ним, вызывает бессознательную позитивную установку. Если присмотреться внимательнее, то не трудно убедиться, что только при поверхностном рассмотрении культурные революции выглядят как нечто абсолютно новое, полностью разорвавшее связь с прошлым [12, с. 156]. На самом деле следы традиционных ментальных пластов культуры просматриваются в них довольно отчетливо.

Еще до Октябрьской революции А.А. Богданов сформулировал концепцию «чистой пролетарской культуры», создаваемой с нуля только самими пролетариями [5, с. 413–414, 457]. Появлению этой концепции способствовало состояние официальной академической культуры того времени, о которой Бенуа накануне революции писал так: «Академическая машина выпускает... то, что служит балластом в художественном мире» [4, с. 67]. Академическое искусство воспринималось как институт, пораженный «старчеством, немощью, оскотлением духа». Это было причиной, по которой предполагалось полностью порвать с прошлым.

Подчеркнем, что многие руководители Советского государства и в первую очередь В.И. Ленин и А.В. Луначарский весьма скептически относились ко всем этим теориям, отмечая отсталость России в плане простой грамотности. В этом плане культурная революция в Советской России имела огромные достижения. За полтора десятилетия страна превратилась в страну сплошной грамотности, была создана широкая сеть профессионального образования, включая высшее образование. Споры А.В. Луначарского с А.А. Богдановым хорошо изучены в современной литературе [1, с. 180–224], и в нашей статье мы рассматриваем другие аспекты культурной революции, но посчитали необходимым включить данное замечание, дабы избежать определенной однобокости.

Параллельно шли эксперименты в области создания нового языка с целью полу-

чить средство для выражения нового мировоззрения; создавалась новая фразеология, вводились новые слова-штампы, использовались цитаты вождей, хлесткие передовицы газет, давались ярлыки противникам. Для создания советского языка широко использовался суффикс «изм». Если в Толковом словаре В.И. Даля было всего 79 слов на «изм», то в четырехтомном словаре Д.Н. Ушакова (1935–1940 гг.) стало уже 415 таких слов. Суффиксы использовались для обозначения вредных для социализма политических течений, отрицательных явлений (отзовизм, хвостизм, меньшевизм и т. д.). Стали появляться новые имена: Красара (Красная Армия), Рэм (революция, энергия, мир), Зикатра (Зиновьев, Каменев, Троцкий), Гертруда (героиня труда), Мэлс (Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин). Имя человека в христианской традиции всегда было связано с именем его святого покровителя. Эта традиция использовалась и теперь, только «святцы» включали совсем другой список имен. Вместо старых религиозных праздников вводились новые: праздник урожая, первой борозды, красные пасхи, красные крестины, красные свадьбы и т. д.

Все это лишь внешняя сторона развернувшихся в ходе культурной революции процессов. Содержание их сводилось к формированию личности нового типа. Цель эту предполагалось достичь, воздействуя на сознание индивида самыми разнообразными средствами. Чтобы понять характер изменений, происходящих в массовом сознании, нужно обратиться к понятиям «коллективизм» и «индивидуализм», которые противопоставлялись в советской лексике. Именно коллектив, а не личность, был неделимой первоосновой общества, и человек мог проявить общественную активность только как член коллектива. Коллективизм понимался как приоритет интересов общества перед личными интересами. Индивидуализм считался социально обусловленной формой эгоизма. Индивидуалист, который чувствовал себя самодостаточным и независимым от коллектива и предпочитал действовать в одиночку, рисковал выпасть из социума и вызвать негативную реакцию большинства. Формировавшийся в те годы советский коллективизм может быть описан не как

«моральная позиция, близкая к ориентациям человеколюбия и альтруизма, а как особое явление, когда любая деятельность индивида разворачивается через посредство коллектива, в его составе, по его законам и под его контролем. Человек действовал не как гражданин и самоценный индивид, а как невычленимая часть целого» [2, с. 4]. Решение такой задачи не представляло особой сложности, поскольку затянувшееся существование крестьянской общины вплоть до начала XX в. с ее стихийным конформизмом, круговой порукой и привычкой к «жизни на виду» было той ментальной основой, на которую идея советского коллективизма прививалась довольно легко. «Новый человек должен был беспрекословно подчиняться (партии, вождю, времени). Вспомним строки Э. Багрицкого: «... если он скажет: “Солги!”, – солги, ... если он скажет: “Убей!”, – убей».

А. Грамши указал и средства, которые использовались для достижения этой цели. Это – апелляция к народной чувствительности, переворот преобладающих ценностей, создание «социалистических героев», использование театра, фольклора, песни и т. п. [7, с. 82]. Советская культурная революция была процессом манипулирования массовым сознанием, при котором навязывалось весьма примитивное понимание социально-политических и культурных процессов, происходящих в обществе. Государство создавало ситуацию неотрефлексированного «организованного согласия», то есть управляло не только посредством политического аппарата, но и посредством имплицитной идеологии, общепринятой и само собой разумеющейся для большинства.

Идеология всегда тесно связана с ментальностью, которая представляет собой совокупность представлений, воззрений, чувствований общности людей определенной исторической эпохи, географической области и социальной среды [14, с. 136–137]. Это особый механизм «реализации культуры через совокупность символов, формирующихся в рамках конкретной культурно-исторической эпохи и закрепляющихся в сознании людей в процессе общения через знаки и символы» [3, с. 4]. Одной из характеристик ментальности является многослойность, следовательно, в ней можно выделить как глубинные, непод-

вижные пласты, так и более поверхностные, изменчивые, связанные с идеологией. В обществе создаются и распространяются базовые представления об окружающем мире, на которых, так или иначе, основывается общественный консенсус. Заметим, что это, прежде всего, относится к современным обществам, где политическая надстройка активно участвует в процессе.

Опыт культурных преобразований в Советском Союзе вполне сравним по своим методам с опытом культурной политики фашизма, которая впоследствии также получила определение «культурной революции» [16]. В этом плане большой интерес представляет работа Дж. Моссе «Фашистская революция: на пути к общей теории фашизма» [17, с. 59–62]. В отличие от многих марксистских исследователей Дж. Моссе акцентировал внимание на революционном напоре фашизма, который также эксплуатировал идею «германской революции», поощрял деятельную борьбу с существующим порядком вещей, призывал к созданию нового мира, базирующегося на футуристических идеях (как у Муссолини), или на воображаемом языческом прошлом (как у Гитлера). Главной задачей было также в кратчайшие сроки решительно порвать со слабым настоящим. Фашизм объявлял об открытии «третьего пути» между марксистским социализмом и капитализмом, ведущим к торжеству единой национальной общности.

Фашистская идеология создала свой вариант наложения новых декларируемых ценностей на традиционные ценности, существующие в массовом сознании среднестатистического европейского буржуа. Они провозгласили, что быть немцем, итальянцем или французом – это не простое проживание на определенной территории, это то, что недоступно для чужаков, то, что не поддается рациональному объяснению. Для представителя среднего класса такая идеология выглядела как способ защиты и сохранения традиционных ценностей: порядочности, чистоты, честного и тяжелого труда, солидарности с соседями, ценности семейной жизни. Это было его защитой от тех аутсайдерских групп, которые, как ему внушали, морально и эстетически оскверняли базовые принципы респектабель-

ности. Дж. Моссе обратил внимание и на такую характерную особенность культуры фашизма, как иррационализм, который является неотъемлемой характеристикой традиционной культуры [8, с. 257]. Пропаганда основ фашизма облекалась в специфические формы. Наиболее эффективной формой были массовые сборища, которые призваны были создавать одновременно атмосферу сопричастности и атмосферу страха. Особая роль на этих сборищах отводилась музыке: барабанам, фанфарам и обязательным маршам. Такие мероприятия восходят к самым древним способам воздействия на коллективное и массовое сознание, поскольку любой ритуал всегда имеет целью растворение единичной личности в коллективной. Примечательно, что музыка многих из них была напрямую заимствована у советских авторов.

Тот же абрис и те же основные черты отчетливо просматриваются и в самой известной из всех культурных революций XX в., которая имела место в КНР с 1966 по 1976 год. Китайская культурная революция представляла собой примечательную смесь противоречий. На первый взгляд, она может выглядеть как абсолютное противопоставление традиционной культуре, главным законом которой является сохранение и воспроизводство традиции в неизменном виде. Спецификой преобразований в традиционных обществах является настороженное, растянутое во времени введение новаций в существующее культурное пространство, чего не скажешь о преобразованиях Мао.

Однако и здесь видны глубинные слои традиционной культуры. Достаточно вспомнить, что традиционная китайская культура, сформировавшаяся под сильным влиянием конфуцианства, рассматривает человека не как нечто самоценное, а как узел частных обязательств и ответственностей, вытекающих из принадлежности индивида к семье и обществу. Восточный традиционный взгляд на мир никогда не приветствовал вызывающего проявления индивидуальности, поскольку для Востока традиционной является коллективная ментальность. Именно поэтому запреты на индивидуальные проявления в одежде или поведении, которое ассоциировалось с индивидуализмом Запада, имели полную поддержку широких слоев населения.

Целью Великой пролетарской культурной революции была провозглашена гармонизация мыслей китайских граждан. Лидеры КПК стремились как можно скорее воспитать новую личность, образно именуемую «листом чистой белой бумаги», что вполне соотносится со сталинской теорией «винтика». Однако воспитание молодежи в духе доносительства на родителей и пренебрежительного отношения к старшим, которое выхолащивало лучшие национальные черты, наткнулось на глухое сопротивление масс, воспитанных в духе конфуцианства. Поэтому в 1972–1976 гг. была проведена кампания «свержения Конфуция с национального пьедестала». На людей обрушивались сотни брошюр и многочасовые радиопередачи, которые должны были убедить китайцев, что Конфуций выражал интересы современного ему капиталистического класса и что его ценности устарели [10, с. 490]. Однако сама древняя традиция общения политика с народом, при которой он то и дело апеллировал в своих речах к концепции древнего философа и встречал при этом подготовленную к восприятию аудиторию, должна была сохраниться. Не случайно в Китае появляется «маленькая красная книжечка», так называемый «Цитатник Мао», который можно было видеть в руках буквально каждого мужчины, каждой женщины и каждого ребенка в Китае. Подобно тому, как ранее наиболее трудные места из Конфуция комментировались в специальных изданиях, теперь были выпущены специальные словари-указатели к произведениям Мао Цзедуна, который верил, что как только его изречениями овладеют массы, они станут неиссякаемой всеокрушающей силой [10, с. 482–483].

В ходе революции миллионы людей подверглись гонениям, пыткам или просто были убиты во время «массовых политических кампаний». «Культурная революция» вылилась в открытое уничтожение инакомыслящих и сопровождалась массовыми репрессиями. Профессоров, школьных учителей, деятелей науки и искусства, партийных и государственных работников выводили на суд масс в шутовских колпаках, глумились над ним за их самостоятельные суждения и критические высказывания о внутренней и внешней политике КНР. Хунвэйбины («красногвардейцы»)

активно занимались поисками «пережитков буржуазной идеологии», на этом основании были организованы массовые кампании по переселению представителей интеллигенции в деревни, гонения, перевоспитание членов КПК и кадровых работников в «школах 7 мая», являвшихся, по существу, концентрационными лагерями. Среди пострадавших не было только священников, поскольку в конфуцианстве отсутствует сам институт церкви. Китайская культурная революция разворачивалась в эпоху развития средств массовых коммуникаций, поэтому события культурной революции, вроде избиения студентами профессоров, запрет на ношение одежды и причесок западного образца, потребление крепких спиртных напитков, курение или жевание табака, собирание марок и т. п., сразу же тиражировались.

Традиционность китайской культуры прослеживается и в некоторых других аспектах, связанных с Великой революцией Мао. Так, символика занимает значимое место в ряду китайских ментальных ценностей. Нумерология и символика числительных также очень сильно развита в китайской традиционной культуре. Числительные являются одной из семантических особенностей чэньюев (фразеологических выражений). Высокая степень развития нумерологии в китайской культуре объясняется длительным процессом перехода от предметов исчисления к абстрактным числительным. Так, активному мужскому началу соответствует ряд простых чисел 1, 3, 5, 7, 9. Четные числа наоборот принадлежат пассивному женскому началу. «Единица» считалась началом и истоком всех вещей, в то время как «двойка» являлась символом счастья, олицетворением симметрии и гармонии. Ассоциативный комплекс числительных «4» и «8» имеет расширительную коннотацию: выражение 四平八 «sì píng bā wěn» (букв. «четыре – ровный, восемь – стабильный») означает не что иное, как стабильность, уверенность в позиции, человека с устоявшейся точкой зрения.

Проявления нумерологической символики можно наблюдать в китайском костюме, в котором каждая деталь была нагружена смыслом, носила всеобъемлющий характер и восходила к основам конфуцианского мировоззрения. Поэтому не случайно в известном «костюме Мао», который представлял собой

удобный и практичный френч, каждая деталь также имела особое символическое значение: пуговицы впереди символизировали пять ветвей власти; три пуговицы на манжетах – три народных принципа республики Китай; карман внутри – право народа смещать политиков; четыре кармана означают четыре добродетели [15, с. 220].

Таким образом, нужно признать, что революционные изменения в сфере культуры, которые человечество пережило в XX в., несмотря на неприкрытые нападки на традиционные ценности и декларацию полного разрыва с традиционной культурой, не могли бы стать реалиями, если бы не использовали те схемы трансляции ценностей в массы, которые были выработаны предыдущим опытом. Здесь уместно провести аналогию с эпохой Возрождения, о которой известный венгерский историк Л. Маккаи написал, что Возрождение, восстающее против средневековой культуры, уподобляется сыну, который борется против отца и при этом рядится в одежды своего деда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров, Н. Н. Звезда Богданова / Н. Н. Александров – М. : Изд-во Академии тринитаризма, 2013. – 243 с.
2. Апресян, Р. Г. Демократия и гражданство / Р. Г. Апресян, А. А. Гуссейнов // Вопросы философии. – 1996. – № 7. – С. 3–16.
3. Барг, М. А. Эпохи и идеи. Становление историзма / М. А. Барг. – М. : Мысль, 1987. – 348 с.
4. Бенуа, А. Н. Дневник 1916–1918 годов / А. Н. Бенуа. – М. : Захаров, 2010. – 168 с.
5. Богданов, А. А. Искусство и рабочий класс / А. А. Богданов // Вопросы социализма : Работы разных лет. – М. : Политиздат, 1990. – 479 с.
6. Геллер, М. Машина и винтики / М. Геллер. – М. : МИК, 1994. – 336 с.
7. Грамши, А. Тюремные тетради. Часть первая / А. Грамши. – М. : Политиздат, 1991. – 564 с.
8. Моссе, Дж. Нацизм и культура. Идеология и культура национал-социализма / Дж. Моссе. – М. : Центрполиграф, 2010. – 446 с.
9. Одайник, В. Психология политики / В. Одайник. – М. : Ювента, 1996. – 384 с.
10. Переломов, Л. С. Конфуций и Конфуцианство с древности и по настоящее время / Л. С. Переломов. – М. : Стилсервис, 2009. – 706 с.
11. Петров, А. В. Концепция прав человека в российской культурной традиции / А. В. Петров

// Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7, Философия, социология и социальные технологии. – 2008. – № 1. – С. 56–59.

12. Петров, А. В. Традиции и инновации в сохранении российского культурного наследия / А. В. Петров, О. В. Галкова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2012. – № 3. – С. 153–157.

13. Фрумкин, В. Раньше мы были марксисты: песенные связи двух социализмов / В. Фрумкин // Горизонт. – 1991. – № 3. – С. 72–74.

14. Черемушникова, И. К. Имидж как смысловая реальность культуры / И. К. Черемушникова. – Волгоград : Изд-во ВолгМУ, 2010. – 297 с.

15. Ян, Цзя. Языковая трансформация знаков европейской моды в китайской культуре / Ян Цзя // Личность. Культура. Общество. – 2011. – № 61. – С. 217–221.

16. Anderson, B. C. The Cultural Revolution of Fascism / B. C. Anderson // First Things 103. – 2000. – P. 59–62.

17. Mosse, G. L. The Fascist Revolution: Toward a General Theory of Fascism / G. L. Mosse. – Howard Fertig, 2000. – 230 p.

18. Kraus R. C. The Cultural Revolution: A Very Short Introduction / R. C. Kraus. – Oxford : Oxford University Press, 2012. – 138 p.

19. 1968 in Europe – A History of Protest and Activism, 1956–1977 / ed. by Martin Klimke and Joachim Scharloth Palgrave Macmillan. – N. Y. ; L., 2008. – 336 p.

REFERENCES

1. Aleksandrov N.N. *Zvezda Bogdanova* [Bogdanov's Star]. Moscow, Izd-vo Akademii trinitarizma, 2013. 243 p.
2. Apresyan R.G., Gusseyinov A.A. *Demokratiya i grazhdanstvo* [Democracy and Citizenship]. *Voprosy filosofii*, 1996, no.7, pp. 3-16.
3. Barg M.A. *Epokhi i idei. Stanovlenie istorizma* [Epochs and Ideas. The Development of Historizm]. Moscow, Mysl Publ., 1987. 348 p.
4. Benua A.N. *Dnevnik 1916-1918 godov* [Diary of 1916-1918]. Moscow, Zakharov Publ., 2010. 168 p.
5. Bogdanov A.A. *Iskusstvo i rabochiy klass* [Art and Labour Class]. *Voprosy sotsializma. Raboty raznykh let* [Issues of Socialism. Works of Different Years]. Moscow, Politizdat, 1990. 479 p.
6. Geller M. *Mashina i vintiki* [Machine and Screws]. Moscow, MIK Publ., 1994. 336 p.
7. Gramshi A. *Tyuremnye tetradi. Chast pervaya* [Prison Notebooks. Part 1]. Moscow, Politizdat Publ., 1991. 564 p.
8. Mosse Dzh. *Natsizm i kultura. Ideologiya i kultura national-sotsializma* [Nazism and Culture.

Ideology and Culture of National Socialism]. Moscow, Tsentrpoligraph Publ., 2010. 446 p.

9. Odaynik V. *Psikhologiya politiki* [The Psychology of Politics]. Moscow, Yuventa Publ., 1996. 384 p.

10. Perelomov L.S. *Konfutsiy i Konfutsianstvo s drevnosti i po nastoyashchee vremya* [Confucius and Confucianism from Ancient Times to the Present Day]. Moscow, Stilservis Publ., 2009. 706 p.

11. Petrov A.V. Kontsepsiya prav cheloveka v rossiyskoy kulturnoy traditsii [The Conception of Human Rights in Russian Cultural Tradition]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7, Filosofiya, sotsiologiya i sotsialnye tekhnologii* [Science Journal of Volgograd State University. Philosophy. Sociology and Social Technologies], 2008, no. 1, pp. 56-59.

12. Petrov A.V., Galkova O.V. Traditsii i innovatsii v sokhranении rossiyskogo kulturnogo naslediya [Traditions and Innovations in Preserving Russian Cultural Legacy]. *Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, 2012, no. 3, pp. 153-157.

13. Frumkin V. Ranshe my byli marksisty: pesennye svyazi dvukh sotsializmov [We Were Marxists Before: Songs Connections of Two Socialisms]. *Gorizont*, 1991, no. 3, pp. 72-74.

14. Cheremushnikova I.K. *Imidzh kak smyslovaya realnost kulture* [Image as Semantic Reality of Culture]. Volgograd, Izd-vo VolgMU, 2010. 297 p.

15. Yan Tszya. Yazykovaya transformatsiya znakov evropeyskoy mody v kitayskoy kulture [Language Transformation of European Fashion Signs in Chinese Culture]. *Lichnost. Kultura. Obshchestvo*, 2011, no. 61, pp. 217-221.

16. Anderson B.C. The Cultural Revolution of Fascism. *First Things* 103, 2000, pp. 59-62.

17. Mosse G.L. *The Fascist Revolution: Toward a General Theory of Fascism*. Howard Fertig., 2000. 230 p.

18. Kraus R.C. *The Cultural Revolution: A Very Short Introduction*. Oxford, Oxford University Press, 2012. 138 p.

19. Klimke M., Macmillan J.S., ed. *1968 in Europe – A History of Protest and Activism, 1956–1977*. New York, London, 2008. 336 p.

THE CULTURAL REVOLUTIONS OF THE 20th CENTURY: RUPTURE WITH THE TRADITIONAL CULTURE OR ITS CONTINUATION?

Petrova Irina Aleksandrovna

Doctor of Philosophic Sciences, Professor,
Head of the Department of History and Country Studies,
Volgograd State Medical University
vip@sprint-v.com.ru
Pavshikh Bortsov Sq., 1, 400131 Volgograd, Russian Federation

Avkhodeeva Evgeniya Andreevna

Postgraduate Student, Department of History and Country Studies,
Volgograd State Medical University,
PR Specialist, Confucius Institute,
Volgograd State Socio-Pedagogical University
avkhodeeva89@gmail.com
Pavshikh Bortsov Sq., 1, 400131 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article studies classical cultural revolutions of 20th century from the perspective of attitude to traditional culture. These revolutions include the Cultural Revolution in Soviet Russia, in Nazi Germany, as well as the later Great Cultural Revolution in China. They have some common features: all of them took place in totalitarian societies and were organized by higher authorities as forced, in relation to traditional culture, political reforms. These reforms often represented open destruction of cultural legacy. The theory of cultural revolutions implied the abolition of cultural elite and the creation of absolutely new culture.

This aim was supposed to be achieved by influencing the individual's consciousness, so the cultural reforms were often seen as the process of mass consciousness manipulation where the government administrated by means of implicit ideology and provoked the situation of non-reflex "organized approval" of the majority.

However, authors come to conclusion, that despite of the seeming originality of revolutionary reforms, they could not be realized, if they were based on the transmission mechanisms, established by traditional culture experience. These mechanisms, rooted at the level of mass consciousness and collective mental ideas, were used in the course of uneven political and cultural reforms.

Key words: cultural revolution, traditional culture, the translation mechanism of cultural heritage, mass consciousness, collective mental representations.